

Дом, где разбиваются сердца

Автор:

[Бернард Шоу](#)

Дом, где разбиваются сердца

Бернард Шоу

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Пьеса об английском обществе периода Первой Мировой войны, написанная, по признанию автора, под влиянием произведений А. П. Чехова. Внешне благополучное общество мало-помалу морально разлагается. Здесь нет ни одного положительного персонажа – каждый герой либо лицемерен, либо просто зол, либо слаб характером.

Бернард Шоу

Дом, где разбиваются сердца

Фантазия в русском стиле на английские темы

Действующие лица

Элли Дэн.

Капитан Шотовер.

Леди Эттеруорд, миссис Хэшебай, его дочери.

Гектор Хэшебай.

Рэндел Эттеруорд.

Мадзини Дэн, отец Элли.

Босс Менген.

Няня Гинесс.

Билли Дэн.

Действие первое

Ясный сентябрьский вечер. Живописный гористый пейзаж северного Суссекса открывается из окон дома, построенного наподобие старинного корабля с высокой кормой, вокруг которой идет галерея. Окна в виде иллюминаторов, обшитые досками, идут вдоль всей стены настолько часто, насколько это позволяет ее устойчивость. Ряд шкафчиков под окнами образует ничем не обшитый выступ, прерывающийся примерно на середине, между ахтерштевнем и бортами, двухстворчатой стеклянной дверью. Вторая дверь несколько нарушает иллюзию, она приходится как бы по левому борту корабля, но ведет не в открытое море, как ей подобало бы, а в переднюю. Между этой дверью и галереей стоят книжные полки. У двери, ведущей в переднюю, и у стеклянной двери, которая выходит на галерею, – электрические выключатели. У стены, изображающей правый борт, – столярный верстак, в тисках его закреплена доска. Пол усеян стружками, ими же доверху наполнена корзина для бумаги. На верстаке лежат два рубанка и коловорот. В этой же стене, между верстаком и окнами, узкий проход с низенькой дверцей, за которой видна кладовая с полками; на полках бутылки и кухонная посуда. На правом борту, ближе к середине, дубовый чертежный стол с доской, на которой лежат рейсшина, линейки, угольники, вычислительные приборы; тут же блюдечки с акварелью, стакан с водой, мутной от красок, тушь, карандаши и кисти. Доска положена так, что окно приходится с левой стороны от стула чертежника. На полу, справа от стола, корабельное кожаное пожарное

ведро. На левом борту, рядом с книжными полками, спинкой к окнам, стоит диван; это довольно массивное сооружение из красного дерева престранно покрыто вместе с изголовьем брезентом, на спинке дивана висят два одеяла. Между диваном и чертежным столом, спинкой к свету, большое плетеное кресло с широкими подлокотниками и низкой покатою спинкой; у левой стены, между дверью и книжной полкой, – небольшой, но добротный столик тикового дерева, круглый, с откидной крышкой. Это единственный предмет убранства в комнате, который – впрочем, отнюдь не убедительно – позволяет допустить, что здесь участвовала и женская рука. Голый, из узких досок, ничем не покрытый пол проконопачен и начищен пемзой, как палуба.

Сад, куда ведет стеклянная дверь, спускается на южную сторону, а за ним уже виднеются склоны холмов. В глубине сада возвышается купол обсерватории. Между обсерваторией и домом – маленькая эспланада, на ней флагшток; на восточной стороне эспланады висит гамак, на западной стоит длинная садовая скамья.

Молодая девушка, в шляпе, перчатках и плаще, сидит на подоконнике, повернувшись всем телом, чтобы видеть расстилающийся за окном пейзаж. Она сидит, опершись подбородком на руку, свесив небрежно другую руку, в которой она держит томик Шекспира, заложив палец на той странице, где она читала. Часы бьют шесть.

Молодая девушка поворачивается и смотрит на свои часы. Она встает с видом человека, который давно ждет и уже выведен из терпения. Это хорошенькая девушка, стройная, белокурая, с вдумчивым лицом, она одета очень мило, но скромно, – по всей видимости, это не праздная модница. Со вздохом усталой покорности она подходит к стулу у чертежного стола, садится, начинает читать Шекспира. Постепенно книга опускается на колени, глаза девушки закрываются, и она засыпает.

Пожилая служанка входит из передней с тремя неоткупоренными бутылками рома на подносе. Она проходит через комнату в кладовую, не замечая молодой девушки, и ставит на полку бутылки с ромом, а с полки снимает и ставит на поднос пустые бутылки. Когда она идет обратно, книга падает с колен гостя, девушка просыпается, а служанка от неожиданности так вздрагивает, что чуть не роняет поднос.

Служанка. Господи помилуй!

Молодая девушка поднимает книгу и кладет на стол.

Простите, что я разбудила вас, мисс. Только я что-то вас не знаю. Вы кого же здесь ждете?

Девушка. Я жду кого-нибудь, кто бы дал мне понять, что в этом доме знают о том, что меня сюда пригласили.

Служанка. Как, вы приглашены? И никого нет? Ах ты господи!

Девушка. Какой-то сердитый старик подошел и посмотрел в окно. И я слышала, как он крикнул: «Няня, тут у нас на корме молоденькая хорошенькая женщина, подите-ка узнайте, что ей нужно». Это вы няня?

Служанка. Да, мисс. Я няня Гинесс. А это, значит, был старый капитан Шотовер, отец миссис Хэшебай. Я слышала, как он кричал, но я подумала, что он насчет чего-нибудь другого. Верно, это миссис Хэшебай вас и пригласила, деточка моя?

Девушка. По крайней мере, я так поняла. Но, пожалуй, мне, право, лучше уйти.

Няня. Нет, что вы, бросьте и думать об этом, мисс. Если даже миссис Хэшебай и забыла, так это будет для нее приятный сюрприз.

Девушка. Признаться, для меня это был довольно неприятный сюрприз, когда я увидела, что меня здесь не ждут.

Няня. Вы к этому привыкнете, мисс. Наш дом полон всяческих сюрпризов для того, кто не знает наших порядков.

Капитан Шотовер неожиданно заглядывает из передней; это еще вполне крепкий старик с громадной белой бородой; он в бушлате, на шее висит свисток.

Капитан Шотовер. Няня, там прямо на лестнице валяются портплед и саквояж; по-видимому, брошены нарочно для того, чтобы каждый о них спотыкался. И еще теннисная ракетка. Что за дьявол все это набросал?

Девушка. Боюсь, что это мои вещи.

Капитан Шотовер(подходит к чертежному столу). Няня, кто эта заблудившаяся юная особа?

Няня. Они говорят, мисс Гэсси пригласила их, сэр.

Капитан Шотовер. И нет у нее, бедняжки, ни родных, ни друзей, которые могли бы ее предостеречь от приглашения моей дочери? Хорошенький у нас дом, нечего сказать! Приглашают юную привлекательную леди, вещи ее полдня валяются на лестнице, а она здесь, на корме, предоставлена самой себе – усталая, голодная, брошенная. Это у нас называется гостеприимством! Хорошим тоном! Ни комнаты не приготовлено, ни горячей воды. Нет хозяйки, которая бы встретила. Гостье, по-видимому, придется ночевать под навесом и идти умываться на пруд.

Няня. Хорошо, хорошо, капитан. Я сейчас принесу мисс чаю, и пока она будет пить чай, комната будет готова. (Обращается к девушке.) Снимите, душенька, шляпку. Будьте как дома. (Идет к двери в переднюю.)

Капитан Шотовер(когда няня проходит мимо него). «Душенька»!
Ты воображаешь, женщина, что, если эта юная особа оскорблена и оставлена на произвол судьбы, ты имеешь право обращаться к ней так, как ты обращаешься к моим несчастным детям, которых ты вырастила в полнейшем пренебрежении к приличиям?

Няня. Не обращайтесь на него внимания, деточка. (С невозмутимым спокойствием проходит в переднюю и направляется в кухню.)

Капитан Шотовер. Окажите мне честь, сударыня, сообщите, как вас зовут? (Усаживается в большое плетеное кресло.)

Девушка. Меня зовут Элли Дэн.

Капитан Шотовер. Дэн... Был у меня как-то давно боцман, который носил фамилию Дэн. Он, в сущности, был китайским пиратом, потом открыл лавочку, торговал всякой корабельной мелочью; и у меня есть полное основание

полагать, что все это он украл у меня. Можно не сомневаться, что он разбогател. Так вы – его дочь?

Элли (возмущенная). Нет. Конечно нет! Я с гордостью могу сказать о своем отце, что хотя он и не преуспел в жизни, зато ни одна душа не может сказать про него ничего дурного. Я считаю, что мой отец – лучший из людей.

Капитан Шотовер. Должно быть, он очень переменился. Не достиг ли он седьмой степени самосозерцания?

Элли. Я вас не понимаю.

Капитан Шотовер. Но как это ему удалось, если у него есть дочь? У меня, видите ли, сударыня, две дочери. Одна из них Гесиона Хэшебай, которая вас сюда пригласила. Я вот стараюсь поддерживать порядок в этом доме, а она его переворачивает вверх дном. Я стремлюсь достигнуть седьмой степени самосозерцания, а она приглашает гостей и предоставляет мне занимать их.

Няня возвращается с чайным подносом и ставит его на тиковый столик.

Есть у меня еще дочь, которая, слава богу, находится в весьма отдаленной части нашей империи со своим чурбаном мужем. Когда она была маленькой, она считала резную фигуру на носу моего корабля, который назывался «Неустршимый», самой прекрасной вещью на свете. Ну, а ее жених несколько напоминал эту фигуру. У него было точь-в-точь такое же выражение лица: деревянное, но в то же время предприимчивое. Вышла за него замуж. И ноги ее больше не будет в этом доме.

Няня(подвигает столик с чайным прибором к столу). Вот уж, можно сказать, вы маху дали. Как раз она сию минуту в Англии. Вам уже три раза на этой неделе говорили, что она едет домой на целый год, для поправления здоровья. И вы должны бы радоваться, что увидите свою родную дочь после стольких лет разлуки.

Капитан Шотовер. А я несколько не радуюсь. Естественный срок привязанности человеческого животного к своему детенышу – шесть лет. Моя дочь Ариадна родилась, когда мне было сорок шесть, сейчас мне восемьдесят восемь. Если она явится сюда, меня нет дома. Если ей что-нибудь нужно, пусть берет. Если она

будет спрашивать обо мне – внушите ей, что я дряхлый старик и совершенно ее не помню.

Няня. Ну что это за разговоры при молодой девушке! Натe, душечка, выпейте чайку. И не слушайте его. (Наливает чашку чаю.)

Капитан Шотовер(гневно поднимаясь). Силы небесные! Они поят невинного ребенка индийским чаем, этим зельем, которым они дубят свои собственные кишки. (Хватает чашку и чайник и выливает все в кожаное ведро.)

Элли(чуть не плача). Ах, прошу вас, я так устала. И мне так хотелось пить.

Няня. Ну что же это вы делаете! Глядите, ведь бедняжка едва на ногах держится.

Капитан Шотовер. Я вам дам моего чаю. И не прикасайтесь к этому обсиженному мухами сухарю. Этим только собак кормить. (Исчезает в кладовой.)

Няня. Ну что за человек! Недаром говорят, будто б он, перед тем как его произвели в капитаны, продал душу черту там, на Занзибаре. И чем он старше становится, тем я все больше этому верю.

Женский голос из передней: «Есть кто-нибудь дома? Гесиона! Няня! Папа! Да пойдите же вы кто-нибудь сюда. Возьмите мои вещи».

Слышен глухой стук, словно кто-то бьет зонтиком по деревянной панели.

Няня. Господи ты боже мой! Это мисс Эдди. Леди Эттеруорд, сестра мисс Хэшебай. Та самая, о которой я говорила капитану. (Откликается.) Иду, мисс, иду!

Она ставит столик обратно на место около двери и поспешно идет к выходу, но сталкивается с леди Эттеруорд, которая врывается в комнату в страшном волнении. Леди Эттеруорд – очень красивая, прекрасно одетая блондинка. У нее такие стремительные манеры и она так быстро говорит, что с первого взгляда производит ошибочное впечатление смешной и глуповатой.

Леди Эттеруорд. Ах, это ты, няня. Как поживаешь? Ты ни чуточки не постарела. Что, никого нет дома? А где Гесиона? Разве она меня не ждет? Где прислуга? А чей это багаж там на лестнице? Где папа? Может быть, все спать легли? (Замечает Элли.) Ах, простите, пожалуйста. Вы, верно, одна из моих племянниц. (Подходит к ней с раскрытыми объятиями.) Поцелуйте свою тетю, душечка.

Элли. Я здесь только гостя. Это мои вещи на лестнице.

Няня. Я сейчас пойду принесу вам, душенька, свежего чайку. (Берет поднос.)

Элли. Но ведь старый джентльмен сказал, что он сам приготовит чай.

Няня. Да бог с вами! Он уже и позабыл, за чем пошел. У него все в голове мешается да с одного на другое перескакивает.

Леди Эттеруорд. Это о папе?

Няня. Да, мисс.

Леди Эттеруорд(сердито). Не будь дурой, нянька, не смей называть меня мисс.

Няня(спокойно). Хорошо, милочка. (Уходит с подносом.)

Леди Эттеруорд(стремительно и шумно опускается на диван). Представляю себе, что вы должны испытывать. Ах этот дом! Я возвращаюсь сюда через двадцать три года. И он все такой же: вещи валяются на лестнице; невыносимо распущенная прислуга; никого дома; гостей принять некому; для еды нет никаких установленных часов; и никто никогда и есть не хочет, потому что вечно все жуют хлеб с маслом или грызут яблоки. Но самое ужасное – это тот же хаос и в мыслях, и в чувствах, и в разговорах. Когда я была маленькая, я по привычке не замечала этого – просто потому, что я ничего другого и не видела, – но я чувствовала себя несчастной. Ах, мне уже и тогда хотелось, мне так хотелось быть настоящей леди, жить как все другие, чтобы не приходилось обо всем думать самой. В девятнадцать лет я вышла замуж, лишь бы вырваться отсюда. Мой муж, сэр Гастингс Эттеруорд, был губернатором всех колоний британской короны по очереди. Я всегда была хозяйкой правительственной резиденции. И я была счастлива. Я просто забыла, что люди могут жить вот так. Но мне

захотелось повидать отца, сестру, племянников и племянниц – когда-то же это придется делать, вы сами понимаете. Я просто мечтала об этом. И вот в каком состоянии я нахожу родительский дом! Как меня принимают! Невозмутимая наглость этой Гинесс, нашей старой няньки. И право же, Гесиона могла бы хоть дома-то быть; могли бы они хоть что-нибудь для меня приготовить. Вы уж простите меня, что я так разоткровенничалась, но я в самом деле ужасно расстроена, обижена и разочарована. Если бы я только знала, что так будет, я бы не поехала сюда. У меня большое искушение повернуться и уехать, не сказав им ни слова. (Чуть не плачет.)

Элли(тоже очень огорченная). Меня тоже никто не встретил. Мне тоже кажется, что лучше уехать. Но как это сделать, леди Эттеруорд! Вещи мои на лестнице, дилижанс уже уехал.

Из кладовой появляется капитан Шотовер, у него в руках лакированный китайский поднос с очень красивым чайным прибором. Он ставит его сначала на край стола, стаскивает чертежную доску на пол и прислоняет ее к ножке стола, а затем подвигает поднос на середину. Элли с жадностью наливает чай.

Капитан Шотовер. Вот вам чай, юная леди! Как? Еще одна дама? Надо еще чашку принести. (Направляется к кладовой.)

Леди Эттеруорд(поднимается с дивана, задыхаясь от волнения). Папа, что же ты, не узнаешь меня? Я твоя дочь.

Капитан Шотовер. Глупости. Моя дочь спит наверху. (Исчезает в дверях.)

Леди Эттеруорд отходит к окну, чтобы не видно было, что она плачет.

Элли(подходит к ней с чашкой в руках). Не огорчайтесь так. Вот выпейте чашку чаю. Он очень старый и ужасно странный. Вот так же он и меня встретил. Я понимаю, что это ужасно. Мой отец для меня все на свете. Я уверена, он это не нарочно.

Капитан Шотовер возвращается с чашкой.

Капитан Шотовер. Ну вот, теперь на всех хватит. (Ставит чашку на поднос.)

Леди Эттеруорд(истерическим голосом). Папа, но ты же не мог забыть меня. Я Ариадна. Маленькая Пэдди Пэткинс. Что же ты даже не поцелуешь меня? (Бросается к нему на шею.)

Капитан Шотовер(стоически перенося ее объятия). Как это может случиться, чтобы вы были Ариадной? Вы, сударыня, женщина в годах. Прекрасно сохранившаяся женщина, но уже немолодая.

Леди Эттеруорд. Да ты вспомни, сколько лет ты меня не видел, папа. Ведь я же должна была стать старше, как и все люди на свете.

Капитан Шотовер(высвобождаясь из объятий). Да, пора бы уж вам почувствовать себя постарше и перестать бросаться на шею к незнакомым мужчинам. Может быть, они стремятся достигнуть седьмой степени самосозерцания.

Леди Эттеруорд. Но я твоя дочь! Ты не видел меня столько лет!

Капитан Шотовер. Тем более. Когда наши родственники дома, нам приходится постоянно помнить об их хороших качествах, – иначе их невозможно было бы выносить. Но когда их нет с нами, мы утешаем себя в разлуке тем, что вспоминаем их пороки. Вот так-то я и привык считать мою отсутствующую дочь Ариадну сущим дьяволом. Так что не пытайтесь снискать наше расположение, выдавая себя за нее. (Решительным шагом уходит на другой конец комнаты.)

Леди Эттеруорд. Снискать расположение... Нет, это уж в самом деле... (С достоинством.) Прекрасно! (Садится к чертежному столу и наливает себе чашку чаю.)

Капитан Шотовер. Я, кажется, плохо выполняю свои хозяйские обязанности. Вы помните Дэна? Вилли Дэна?

Леди Эттеруорд. Этого гнусного матроса, который ограбил тебя?

Капитан Шотовер(представляя ей Элли). Его дочь. (Садится на диван.)

Элли(протестуя). Да нет же!

Входит няня со свежим чаем.

Капитан Шотовер. Унесите вон это пойло. Слышите?

Няня. А ведь действительно приготовил чай. (Элли.) Скажите, мисс, как это он про вас не забыл? Видно, вы произвели на него впечатление.

Капитан Шотовер(мрачно). Юность! Красота! Новизна! Вот чего недостает в этом доме. Я глубокий старик. Гесиона весьма относительно молода. А дети ее не похожи на детей.

Леди Эттеруорд. Как дети могут быть детьми в этом доме? Прежде чем мы научились говорить, нас уже пичкали всякими идеями, которые, может быть, очень хороши для языческих философов лет под пятьдесят, но отнюдь не подобают благопристойным людям в каком бы то ни было возрасте.

Няня. Помню, вы и раньше всегда говорили о благопристойности, мисс Эдди.

Леди Эттеруорд. Няня, потрудитесь запомнить, что я леди Эттеруорд, а не мисс Эдди, и никакая не деточка, не цыпочка, не крошечка.

Няня. Хорошо, душенька. Я скажу всем, чтобы они называли вас миледи. (С невозмутимым спокойствием берет поднос и уходит.)

Леди Эттеруорд. И это называется удобство! Какой смысл держать в доме такую неотесанную прислугу?

Элли(встает, подходит к столу и ставит пустую чашку). Леди Эттеруорд, как вам кажется, миссис Хэшебай на самом деле ждет меня или нет?

Леди Эттеруорд. Ах, не спрашивайте. Вы ведь сами видите, я только что приехала – единственная сестра, после двадцати трех лет разлуки, – и по всему видно, что меня здесь не ждали.

Капитан Шотовер. А какое это имеет значение, ждали эту юную леди или не ждали? Ей здесь рады. Есть кровать, есть еда. И я сам приготовлю ей комнату. (Направляется к двери.)

Элли(идет за ним, пытаюсь остановить его). Ах, пожалуйста, прошу вас...

Капитан уходит.

Леди Эттеруорд, я просто не знаю, что мне делать. Ваш отец, по-видимому, твердо убежден, что мой отец – это тот самый матрос, который его ограбил.

Леди Эттеруорд. Лучше всего сделать вид, что вы этого не замечаете. Мой отец очень умный человек, но он вечно все забывает. А теперь, когда он так стар, разумеется, это еще усилилось. И надо вам сказать, иной раз очень трудно бывает поверить всерьез, что он действительно забыл.

Миссис Хэшебай стремительно вбегает в комнату и обнимает Элли. Она на год, на два старше леди Эттеруорд и, пожалуй, даже еще красивей. У нее прекрасные черные волосы, глаза как колдовские озера и благородная линия шеи, короткая сзади и удлиняющаяся меж ключицами. Она, в отличие от сестры, в роскошном халате из черного бархата, который оттеняет ее белую кожу и скульптурные формы.

Миссис Хэшебай. Элли! Душечка моя, детка! (Целует ее.) Давно ли вы здесь? Я все время дома. Я ставила цветы и убирала вашу комнату. И только на минуточку присела, чтобы посмотреть, удобно ли я вам поставила кресло, как сразу и задремала. Папа разбудил меня и сказал, что вы здесь. Представляю себе, что вы почувствовали, когда вас никто не встретил и вы очутились здесь совсем одна и думали, что про вас забыли. (Снова целует ее.) Бедняжка! (Сажает Элли на диван.)

В это время Ариадна отходит от стола и направляется к ним, желая обратить на себя внимание.

Ах, вы приехали не одна? Познакомьте меня.

Леди Эттеруорд. Гесиона, может ли это быть, что ты не узнаешь меня?

Миссис Хэшебай(со светской учтивостью). Разумеется, я прекрасно помню ваше лицо. Но где мы с вами встречались?

Леди Эттеруорд. Да разве папа не сказал тебе, что я здесь? Нет, это уж чересчур. (В негодовании бросается в кресло.)

Миссис Хэшебай. Папа?

Леди Эттеруорд. Да, папа. Наш папа! Негодная ты, бесчувственная кукла! (Возмущенная, поднимается.) Сию минуту уезжаю в гостиницу.

Миссис Хэшебай(хватает ее за плечи). Господи Боже мой! Силы небесные! Неужели это Эдди?

Леди Эттеруорд. Ну конечно я Эдди. И не настолько уж я изменилась, чтобы ты не узнала меня, если бы хоть немножко любила. А папа, по-видимому, даже не счел нужным и упомянуть обо мне.

Миссис Хэшебай. Вот так история! Садись. (Толкает ее обратно в кресло, вместо того чтобы обнять, и становится позади.) Но у тебя прекрасный вид! Ты стала гораздо красивее, чем была. Ты, конечно, познакомилась с Элли? Она собирается выйти замуж за настоящего борова, миллионера. Жертвует собой, чтобы спасти отца, который беден, как церковная мышь. Ты должна мне помочь уговорить ее, чтобы она этого не делала.

Элли. Ах, пожалуйста, не надо, Гесиона.

Миссис Хэшебай. Душенька, этот субъект сегодня приедет сюда с вашим отцом и будет приставать к вам. Не пройдет и десяти минут, как всем все станет ясно. Так зачем же делать из этого тайну?

Элли. Он совсем не боров, Гесиона. Вы не знаете, как он был добр к моему отцу и как я ему благодарна.

Миссис Хэшебай(обращается к леди Эттеруорд). Ее отец замечательный человек, Эдди. Его зовут Мадзини Дэн. Мадзини был знаменитостью, и это был близкий знакомый Эллиных бабушки и дедушки. А они были поэты – ну, как Браунинги... И когда Эллин отец появился на свет, Мадзини сказал: «Вот еще один солдат свободы». Так они его и называли Мадзини. И он тоже по-своему борется за свободу, поэтому-то он так и беден.

Элли. Я горжусь тем, что он беден.

Миссис Хэшебай. Ну конечно, душечка. Но почему же не оставить его в этой бедности и не выйти за того, кого вы любите?

Леди Эттеруорд(внезапно вскакивает, не владея собой). Гесиона, ты меня поцелуешь или нет?

Миссис Хэшебай. А зачем это тебе нужно, чтобы тебя целовали?

Леди Эттеруорд. Мне не нужно, чтобы меня целовали, но мне нужно, чтобы ты вела себя как подобает. Мы сестры, мы не виделись двадцать три года. Ты должна меня поцеловать.

Миссис Хэшебай. Завтра утром, дорогая моя. Прежде, чем ты намажешься. Терпеть не могу, когда пахнет пудрой.

Леди Эттеруорд. Бесчувственная...

Ее прерывает вернувшийся капитан.

Капитан Шотовер(обращаясь к Элли). Комната вам готова.

Элли встает.

Простыни были совершенно сырые, но я переменял их. (Идет на левый борт, к двери в сад.)

Леди Эттеруорд. Хм... А как мои простыни?

Капитан Шотовер(останавливаясь в двери). Могу вам дать совет – проветрите их или просто снимите и спите завернувшись в одеяло. Вы будете спать в прежней комнате Ариадны.

Леди Эттеруорд. Ничего подобного. В этой жалкой каморке? Я имею право рассчитывать на лучшую комнату для гостей.

Капитан Шотовер(невозмутимо продолжает). Она вышла замуж за чурбана. Она говорила, что готова выйти за кого угодно, лишь бы вырваться из дому.

Леди Эттеруорд. Ты, по-видимому, просто притворяешься, что не узнаешь меня. Я ухожу отсюда.

Из передней входит Мадзини Дэн. Это маленький пожилой человек, глаза навыкате, доверчивый взгляд, степенные манеры. Он в синем саржевом костюме и в расстегнутом макинтоше. В руках мягкая черная шляпа, вроде тех, что носят священники.

Элли. Наконец-то! Капитан Шотовер, вот мой отец.

Капитан Шотовер. Этот? Чепуха! Ни капельки не похож. (Выходит в сад, сердито хлопнув дверью.)

Леди Эттеруорд. Я не допущу, чтобы меня умышленно не замечали и делали вид, что принимают за кого-то другого. Я пойду и сию же минуту объяснюсь с папой. (Мадзини.) Простите, пожалуйста. (Уходит за капитаном, небрежно на ходу кивая Мадзини, который на ее кивок отвечает поклоном.)

Миссис Хэшебай(радушно пожимая руку Мадзини). Как это мило с вашей стороны, что вы приехали, мистер Дэн. Вы не обижаетесь на папу, не правда ли? Он у нас совсем сумасшедший, но абсолютно безобидный. И при этом необыкновенно умный. Вы еще побеседуете с ним, и с большим удовольствием.

Мадзини. Я надеюсь. (Элли.) А вот и ты, Элли, милочка. (С нежностью берет ее под руку.) Я вам очень признателен, миссис Хэшебай, за то, что вы так добры к моей дочери. Боюсь, что у нее не получилось бы никакого праздника, если бы не ваше приглашение.

Миссис Хэшебай. Да нет, что вы. Это так мило с ее стороны, что она к нам приехала, она будет привлекать сюда молодых людей.

Мадзини(улыбаясь). Боюсь, что Элли мало интересуется молодыми людьми, миссис Хэшебай. В ее вкусе скорее положительные, серьезные люди.

Миссис Хэшебай(с внезапной резкостью). Может быть, вы снимете пальто, мистер Дэн? Там, в углу в передней – шкаф для пальто, шляп и всего прочего.

Мадзини(поспешно выпуская руку Элли). Да, благодарю вас. Мне, конечно, надо было... (Уходит.)

Миссис Хэшебай(выразительно). Старая скотина!

Элли. Кто?

Миссис Хэшебай. Кто! Да он – вот этот, он самый. (Показывает пальцем вслед Мадзини.) «Положительные, серьезные»... скажите!

Элли(пораженная). Неужели это может быть, чтобы вы сказали так о моем отце!

Миссис Хэшебай. Сказала. И вы это отлично знаете.

Элли(с достоинством). Я немедленно уйду из вашего дома. (Поворачивается к двери.)

Миссис Хэшебай. Если вы только посмеете, я сейчас же доложу вашему отцу, почему вы это сделали.

Элли(оборачиваясь). Но как вы можете так обращаться с вашим гостем, миссис Хэшебай?

Миссис Хэшебай. Мне казалось, что вы зовете меня Гесиона.

Элли. Теперь – конечно нет.

Миссис Хэшебай. Отлично. Я все расскажу вашему отцу.

Элли(огорченная). Ах!

Миссис Хэшебай. Если вы только двинете пальцем, если только хоть на минуту станете на его сторону, против меня и против вашего собственного сердца... я

поговорю с этим прирожденным солдатом свободы так, что он потом целую неделю будет стоять на голове, этот старый эгоист.

Элли. Гесиона! Мой отец эгоист? Как мало вы знаете...

Ее прерывает Мадзини, который возвращается, запыхавшийся и взволнованный.

Мадзини. Элли! Менген приехал. Я думал, может быть, лучше тебя предупредить. Простите меня, миссис Хэшебай, этот престранный старый джентльмен...

Миссис Хэшебай. Папа? Вполне согласна с вами.

Мадзини. Ах, простите... Ну да, разумеется. Меня несколько смутило его обращение. Он заставил Менгена что-то там делать в саду. И требует, чтобы и я тоже...

Раздается громкий свисток. Голос капитана: «Боцман, наверх!» Снова громкий свисток.

Мадзини(растерянно). О господи, мне кажется, это он меня зовет... (Поспешно выбегает.)

Миссис Хэшебай. Вот мой отец – это действительно замечательный человек!

Элли. Гесиона, выслушайте меня. Вы просто не понимаете. Мой отец и мистер Менген были еще детьми, и мистер Мен...

Миссис Хэшебай. Мне совершенно все равно, чем они были. Только давайте лучше сядем, если вы собираетесь начать так издалека. (Обнимает Элли за талию и усаживает на диван рядом с собой.) Ну, душенька, рассказывайте мне все про этого мистера Менгена. Его все зовут Босс Менген, хозяин Менген, правда? Настоящий Наполеон промышленности и отвратительно богат. Верно я говорю? А почему же отец ваш не богат?

Элли. Да папе вовсе не следовало бы заниматься коммерческими делами. Его отец и мать были поэты. Они внушали ему самые возвышенные идеи. Только

у них не хватило средств, чтобы дать ему законченное образование.

Миссис Хэшебай. Воображаю себе ваших дедушку и бабушку, как они во вдохновенном экстазе закатывают глаза... Итак, значит, вашему бедному отцу пришлось заняться коммерцией. И он не преуспел в этом?

Элли. Он всегда говорил, что добился бы успеха, если бы у него был какой-нибудь капитал. А он всю жизнь едва сводил концы с концами, только чтобы не оставить нас без крова и дать нам хорошее воспитание. И вся его жизнь – это была сплошная борьба. Вечно одно и то же – нет денег. Я просто не знаю, как вам это рассказать.

Миссис Хэшебай. Бедняжка Элли! Я понимаю. Вечно изворачиваться...

Элли(уязвленная). Нет, нет, совсем не так. Он, во всяком случае, никогда не терял достоинства.

Миссис Хэшебай. А это еще трудней. Я бы не могла изворачиваться и при этом сохранять достоинство. Я бы изворачивалась не щадя себя (сжав зубы), не щадя. Ну хорошо, а дальше?

Элли. Наконец все-таки пришло время, когда нам стало казаться, что все наши несчастья кончились: мистер Менген из чистой дружбы и из уважения к моему отцу совершил необыкновенно благородный поступок – он спросил папу, сколько ему нужно денег, и дал ему эти деньги. И знаете, он не то чтобы дал их ему взаймы или, как говорится, вложил в его дело, – нет, он просто подарил их ему! Разве это не замечательно с его стороны?

Миссис Хэшебай. При условии, что вы будете его женой?

Элли. Ах, да нет, нет, нет! Я еще тогда была совсем маленькая. Он даже меня и в глаза не видел. Он тогда еще и не бывал у нас в доме. Он сделал это совершенно бескорыстно. Из чистого великодушия.

Миссис Хэшебай. О, в таком случае прошу прощения у этого джентльмена. Так. Ну и что же случилось с этими деньгами?

Элли. Мы все оделись с ног до головы и переехали в другой дом. Меня отдали в другую школу, и я училась там два года.

Миссис Хэшебай. Только два года?

Элли. Да. Вот и все. Потому что через два года оказалось, что мой отец совершенно разорен.

Миссис Хэшебай. Как же это так?

Элли. Не знаю. Никогда не могла понять. Только это было ужасно. Пока мы были бедны, у отца не было долгов, но как только он стал ворочать большими делами, ему пришлось брать на себя всякие обязательства. И вот, когда все предприятие ликвидировалось, то вышло как-то так, что долгов у него оказалось больше, чем то, что ему дал мистер Менген.

Миссис Хэшебай. По-видимому, цапнул больше, чем мог проглотить.

Элли. Мне кажется, вы относитесь к этому как-то ужасно бесчувственно.

Миссис Хэшебай. Детка моя, вы не обращайте внимания на мою манеру разговаривать. Я была когда-то такая же чувствительная, вот как вы. Но я нахваталась ужасного жаргона от моих детей и совершенно разучилась разговаривать прилично. Очевидно, у вашего отца не было способностей к подобного рода вещам, и он просто запутался.

Элли. Ах, вот тут-то и видно, что вы его совершенно не понимаете. Дело это потом необыкновенно расцвело. Оно дает теперь сорок четыре процента дохода, за вычетом налога на сверхприбыль.

Миссис Хэшебай. Так вы должны бы купаться в золоте, почему же этого нет?

Элли. Не знаю. Мне все это кажется ужасной несправедливостью. Видите ли, папа обанкротился. Он чуть не умер от горя, потому что он уговорил некоторых своих друзей вложить деньги в это дело. Он был уверен, что дело пойдет успешно, и, как потом оказалось, он был прав, – но все они потеряли свои вклады. Это было ужасно. И я не знаю, что бы мы стали делать, если бы

не мистер Менген.

Миссис Хэшебай. Что? Босс опять пришел на выручку? И это после того, как все его денежки полетели на ветер?

Элли. Да. Он нас выручил. И даже ни разу не упрекнул отца. Он купил все, что осталось от этого дела, – помещение, оборудование, ну и все прочее, через коронного стряпчего за такую сумму, что отец мог заплатить по шесть шиллингов восемь пенсов за фунт и выйти из предприятия. Все очень жалели папу, и, так как все были убеждены, что он абсолютно честный человек, никто не возражал против того, чтобы получить шесть шиллингов восемь пенсов вместо десяти шиллингов за фунт. А потом мистер Менген организовал компанию, которая взяла это дело в свои руки, а отца моего сделал управляющим... чтобы мы не умерли с голоду... потому что тогда ведь я еще ничего не зарабатывала.

Миссис Хэшебай. Боже, да это настоящий роман с приключениями!

Ну, а когда же Босс воспылал нежными чувствами?

Элли. О, это уже спустя несколько лет. Совсем недавно. Он как-то случайно взял билет на один благотворительный концерт. Я там пела. Ну просто, знаете, в качестве любительницы, мне платили полгинеи за три песенки и еще за три выхода на бис. И ему так понравилось, как я пела, что он попросил разрешения проводить меня до дому. Вы просто представить не можете, до чего он удивился, когда я привела его к нам домой и представила его моему отцу, его же собственному управляющему. И вот тут-то отец и рассказал мне о его благородном поступке. Ну, разумеется, все считали, что для меня это необыкновенно счастливый случай... ведь он такой богатый. Ну, и вот, мы пришли к чему-то вроде соглашения. Мне кажется... я должна считать это почти... помолвкой. (Страшно расстроена и не может больше говорить.)

Миссис Хэшебай(вскакивает и начинает ходить взад и вперед). Помолвка, вы говорите? Ну, моя деточка, эта помолвка живо обратится в размолвку, если я только возьмусь за это как следует.

Элли(безнадежно). Нет, вы напрасно так говорите. Меня вынуждает к этому честь и чувство благодарности. Я уж решилась.

Миссис Хэшебай(останавливается у дивана и, перегнувшись через спинку, отчитывает Элли). Вы, конечно, сами прекрасно понимаете, что это совсем не честно и не благородно – выйти замуж за человека, не любя его. Вы любите этого Менгена?

Элли. Д-да. Во всяком случае...

Миссис Хэшебай. Меня совершенно не интересуют эти ваши «всякие случаи», я хочу, чтобы вы мне выложили все начистоту. Девушки в вашем возрасте способны влюбиться в самых невообразимых идиотов, особенно стариков.

Элли. Я очень хорошо отношусь к мистеру Менгену. И я всегда...

Миссис Хэшебай(нетерпеливо заканчивая ее фразу, стремительно переходит на правый борт). «...буду благодарна ему за его доброту к моему дорогому папе». Это я уж все слышала. А еще кто есть?

Элли. То есть... что вы хотите сказать?!

Миссис Хэшебай. Есть кто-нибудь еще? Вы в кого-нибудь влюблены по-настоящему?

Элли. Конечно нет – ни в кого.

Миссис Хэшебай. Гм... (Ей попадает на глаза книга, лежащая на чертежном столе, она берет ее в руки, и заглавие книги, по-видимому, ее поражает: она смотрит на Элли и вкрадчиво спрашивает.) А вы не влюблены в какого-нибудь актера?

Элли. Нет, нет! Почему... почему вам это пришло в голову?

Миссис Хэшебай. Ведь эта ваша книга? Зачем это вам вдруг вздумалось читать «Отелло»?

Элли. Отец научил меня любить Шекспира.

Миссис Хэшебай(швыряя книгу на стол). Действительно! Ваш отец, по-видимому, правда не в себе!

Элли(наивно). А вы разве никогда не читаете Шекспира, Гесиона? Мне это кажется просто удивительным. Мне так нравится Отелло.

Миссис Хэшебай. Отелло нравится? Потому что он ревнивец?

Элли. Ах, нет, не это. Все, что там насчет ревности, – просто ужасно. Но вы не находите, что это было просто непостижимое счастье для Дездемоны, которая мирно росла дома, вдруг встретиться с таким человеком... Ведь он скитался по всему свету, жил в таком кипучем мире, совершал всякие чудеса храбрости, столько испытал всяких ужасов – и вот все же что-то нашел в ней, что притягивало его, и он мог часами сидеть и рассказывать ей обо всем этом.

Миссис Хэшебай. Ах вот вам какие романы по вкусу?

Элли. Почему же непременно роман? Это могло и на самом деле случиться. (По глазам Элли видно, что она не спорит, а мечтает.)

Миссис Хэшебай внимательно вглядывается в нее, потом не спеша подходит к дивану и усаживается с ней рядом.

Миссис Хэшебай. Элли, милочка! А вы не обратили внимания, что некоторых из тех историй, которые он рассказывает Дездемоне, на самом деле не могло быть?

Элли. Ах, нет. Шекспир думал, что все это могло случиться.

Миссис Хэшебай. Гм... Вернее, Дездемона думала, что все это так и было. Но этого не было.

Элли. Почему вы говорите об этом с таким загадочным видом? Вы прямо сфинкс какой-то. Никогда не могу понять, что вы, в сущности, хотите сказать?

Миссис Хэшебай. Если бы Дездемона осталась в живых, она бы вывела его на чистую воду. Иногда мне, знаете, приходит в голову: не потому ли он

и задушил ее?

Элли. Отелло не лгал.

Миссис Хэшебай. Откуда вам это известно?

Элли. Шекспир так и сказал бы, что Отелло лгал. Гесиона, ведь есть же на свете мужчины, которые действительно делают замечательные вещи. Мужчины, похожие на Отелло; только, конечно, они белые, очень красивые и...

Миссис Хэшебай. Ага! Наконец-то мы пришли к сути дела. Ну, теперь расскажите мне про него все. Я так и знала, что тут кто-то есть. Потому что иначе вы не чувствовали бы себя такой несчастной из-за Менгена. Вам даже улыбалось бы выйти за него замуж.

Элли(вспыхивая). Гесиона, вы просто ужасны. Но я не хочу делать из этого тайны, хотя, конечно, я не стала бы об этом повсюду рассказывать. И к тому же я с ним незнакома.

Миссис Хэшебай. Незнакомы? Как это понимать?

Элли. Ну, конечно, немножко знакома, разговаривала с ним.

Миссис Хэшебай. Но вам хочется узнать его поближе?

Элли. Нет, нет. Я знаю его очень близко...

Миссис Хэшебай. Вы с ним незнакомы... вы знаете его очень близко... Как это все ясно и просто!

Элли. Я хочу сказать, что у нас он не бывает... я... я просто разговорилась с ним случайно, на концерте.

Миссис Хэшебай. Вы, по-видимому, очень весело проводите время на ваших концертах, Элли?

Элли. Да нет. Вообще нет. Вообще мы все разговариваем друг с другом в артистической, когда дожидаемся своей очереди. Я думала, что это кто-нибудь из артистов. У него такое замечательное лицо. Но оказалось, он просто один из членов комитета. Я, между прочим, сказала ему, что хожу копировать одну картину в Национальной галерее. Я немножко зарабатываю этим. Я не очень хорошо рисую, но так как это всегда одна и та же картина, то я теперь могу скопировать ее очень быстро, и получаю за это два или три фунта. И вот как-то раз он пришел в Национальную галерею.

Миссис Хэшебай. В студенческий день, конечно. Заплатил шесть пенсов, чтобы толкаться там среди всех этих мольбертов, хотя в другой день можно было прийти бесплатно и без всякой толкотни. Разумеется, это вышло совершенно случайно.

Элли(торжествующе). Нет. Он пришел нарочно. Ему нравилось разговаривать со мной. У него масса блестящих знакомых, светские женщины от него без ума, – но он сбежал от всех, чтобы прийти повидать меня в Национальной галерее. И упробил меня поехать кататься с ним в Ричмонд-парк.

Миссис Хэшебай. И вы, душечка, согласились. Просто удивительно, что только вы, добродетельные девушки, можете себе позволить, и о вас никто слова не скажет.

Элли. Но я не выезжаю в свет, Гесиона. Если бы у меня не было знакомств, которые завязываются вот так, то у меня вообще не было бы знакомых.

Миссис Хэшебай. Да нет, конечно, тут нет ничего дурного, если вы умеете постоять за себя. А можно узнать его имя?

Элли(медленно и нараспев). Марк Дарнли.

Миссис Хэшебай(повторяя за ней). Марк Дарнли. Какое замечательное имя!

Элли. Ах, я так рада, что вам нравится. Мне тоже ужасно нравится, но я все боялась, что это просто мое воображение.

Миссис Хэшебай. Ну, ну. Он что – из эбердинских Дарнли?

Элли. Никто этого не знает. Нет, вы только подумайте, его нашли в старинном ларце...

Миссис Хэшебай. Что? В чем?

Элли. В старинном ларце. В саду, среди роз, летним утром. А ночью была страшная гроза.

Миссис Хэшебай. Что ж он там делал, в этом ларце? Спрятался туда от молнии, что ли?

Элли. Ах нет, нет. Он же был тогда совсем малюткой. Имя Марк Дарнли было вышито на его детской рубашечке. И пятьсот фунтов золотом...

Миссис Хэшебай(строго смотрит на нее). Элли!

Элли. В саду виконта...

Миссис Хэшебай. Де Ружемона.

Элли(невинно). Нет. Де Лярошжаклена. Это французский род. Виконты. А его жизнь – это сплошная сказка. Тигр.

Миссис Хэшебай. Убитый его собственной рукой?

Элли. Да нет, вовсе не так банально. Он спас жизнь тигру во время охоты. Это была королевская охота, короля Эдуарда, в Индии. Король страшно рассердился. Вот потому-то его военные заслуги и не были оценены по достоинству. Но ему это все равно. Он социалист, он презирает титулы и чины. И он участвовал в трех революциях, дрался на баррикадах...

Миссис Хэшебай. Ну как это вы только можете – сидеть вот так и рассказывать мне все эти небылицы? И это вы, Элли! А я-то считала вас простодушной, прямой, хорошей девушкой.

Элли(поднимается с достоинством, но в страшном негодовании). Вы хотите сказать, что вы мне не верите?

Миссис Хэшебай. Ну конечно не верю. Сидите и выдумываете – ни одного слова правды. Да что, вы считаете меня совсем дурой?

Элли(смотрит на нее широко раскрытыми глазами; искренность ее до того очевидна, что миссис Хэшебай озадачена). Прощайте, Гесиона. Мне очень жаль. Я теперь вижу что все это звучит невероятно, когда это рассказываешь. Но я не могу оставаться здесь, если вы так обо мне думаете.

Миссис Хэшебай(хватает ее за платье). Никуда вы не пойдете. Нет, так ошибаться просто невыносимо! Я слишком хорошо знаю вралей. По-видимому, вам действительно кто-то рассказывал все это.

Элли(вспыхивая). Гесиона, не говорите, что вы не верите ему. Я этого не вынесу.

Миссис Хэшебай(успокаивая ее). Ну конечно я верю ему, милочка моя. Но вы должны были преподнести это мне по крайней мере не все сразу, а как-нибудь по частям. (Снова усаживает ее рядом с собой.) Ну, теперь рассказывайте мне о нем все. Итак, вы влюбились в него?

Элли. Ах, нет. Я не такая дурочка. Я не влюбляюсь так сразу. Я вовсе уж не такая глупенькая, как вам кажется.

Миссис Хэшебай. Понятно. Это просто чтобы было о чем помечтать, чтобы жить было интереснее и радостнее.

Элли. Да, да. Вот и все.

Миссис Хэшебай. И тогда время бежит быстро. Вечером не томишься от скуки и не ждешь, когда можно лечь спать, не думаешь о том, что вот будешь вертеться без сна или приснится что-нибудь неприятное. А какое счастье просыпаться утром! Лучше самого чудесного сна! Вся жизнь преображается. Уж не мечтаешь почитать какую-нибудь интересную книгу, жизнь кажется интересней всякой книги. И никаких желаний, только чтобы остаться одной и ни с кем не разговаривать. Сидеть одной и просто думать об этом.

Элли(обнимая ее). Гесиона, вы настоящая колдунья. Откуда вы все это знаете? Вы самая чуткая женщина на свете.

Миссис Хэшебай(поглаживая ее). Милочка моя, детка! Как я завидую вам!
И как мне жаль вас!

Элли. Жаль? Почему?

Очень красивый человек лет пятидесяти, с усами мушкетера, в широкополой шляпе с франтовато загнутыми полями, с изящной тросточкой, входит из передней и останавливается как вкопанный при виде двух женщин на диване.

(Увидя его, поднимается с радостным изумлением.) О, Гесиона! Это мистер Марк Дарнли.

Миссис Хэшебай(поднимаясь). Вот так штука! Это мой муж.

Элли. Но как же... (Внезапно умолкает, бледнеет и пошатывается.)

Миссис Хэшебай(подхватывает ее и усаживает на диван). Успокойтесь, детка.

Гектор Хэшебай(в некотором замешательстве и в то же время с каким-то наглым спокойствием кладет шляпу и трость на стол). Мое настоящее имя, мисс Дэн, Гектор Хэшебай. Я предоставляю вам судить – может ли тонко чувствующий человек спокойно признаться в том, что он носит такое имя. Когда у меня есть возможность, я стараюсь обходиться без него. Я уезжал на целый месяц. И я не подозревал, что вы знакомы с моей женой и можете появиться здесь. Тем не менее я чрезвычайно рад приветствовать вас в нашем скромном домике.

Элли(в настоящем отчаянии). Я не знаю, что мне делать. Пожалуйста... можно мне поговорить с папой? Оставьте меня. Я этого не вынесу.

Миссис Хэшебай. Уходи, Гектор.

Гектор. Я...

Миссис Хэшебай. Живо, живо! Убирайся вон!

Гектор. Ну, если ты думаешь, что так лучше... (Уходит, захватив свою шляпу, трость остается на столе.)

Миссис Хэшебай(укладывает Элли на диван). Ну вот, деточка, он ушел. Здесь никого нет, кроме меня. Можете дать себе волю. Не сдерживайтесь. Поплачьте хорошенько.

Элли(поднимая голову). К черту!

Миссис Хэшебай. Вот это здорово! Замечательно! Я думала, вы сейчас скажете, что у вас сердце разбилось. Вы меня не стесняйтесь. Выругайтесь еще раз.

Элли. Я не его ругаю. Я себя ругаю. Как я могла быть такой дурой! (Вскакивает.) И как это я позволила так себя одурачить! (Быстро ходит взад и вперед; вся ее цветущая свежесть куда-то пропала, она сразу стала как-то старше и жестче.)

Миссис Хэшебай(радостно). Ну, почему бы и нет, милочка? Очень немногие молодые женщины могут устоять перед Гектором. Я вот сама не устояла в вашем возрасте. Он поистине великолепен.

Элли(поворачиваясь к ней). Великолепен? Да, великолепная внешность, конечно. Но как можно любить лгуна?

Миссис Хэшебай. Не знаю. Но, к счастью, оказывается, можно. Иначе в мире было бы очень немного любви.

Элли. Но так лгать! Оказаться хвастунишкой, трусом!

Миссис Хэшебай(вскакивает в смятении). Нет, милочка, только не это, прошу вас. Если вы выразите хотя бы малейшее сомнение в храбрости Гектора, он пойдет и наделает черт знает чего, только бы убедить себя, что он не трус. Он иногда проделывает ужасные штуки – вылезет из окна на третьем этаже и влезет в другое. Просто чтобы испытать свои нервы. У него целый ящик медалей Альберта за спасение погибающих.

Элли. Он никогда не говорил мне об этом.

Миссис Хэшебай. Он никогда не хвастается тем, что сделал на самом деле. Терпеть этого не может. Даже если кто-нибудь другой об этом говорит, он стыдится. Зато все его рассказы – это сказки, выдумки.

Элли(подходит к ней). Так вы, значит, хотите сказать, что он действительно храбрый и у него были всякие приключения, а рассказывает он небылицы?

Миссис Хэшебай. Да, милочка. Вот именно. Ведь у людей их добродетели и пороки не разложены по полочкам. Все это вместе перемешано.

Элли(задумчиво смотрит на нее). В вашем доме, Гесиона, есть что-то странное. И даже в вас самой. И я не знаю... как это я так спокойно разговариваю с вами. У меня какое-то ужасное чувство, как будто у меня сердце разбилось. Но это, оказывается, совсем не то, что я себе представляла.

Миссис Хэшебай. (обнимая ее). Просто это жизнь начинает воспитывать вас, деточка. Ну, а что же вы сейчас испытываете к Боссу Менгену?

Элли(вырывается из объятий Гесионы, на лице ее написано отвращение). О, Гесиона, как вы можете мне напоминать о нем!

Миссис Хэшебай. Простите, детка. Мне кажется, я слышу шаги Гектора. Вы сейчас не возражаете, если он придет?

Элли. Ничуть. Я совершенно излечилась.

Из передней входят Мадзини Дэн и Гектор.

Гектор(открывает дверь и пропускает Мадзини вперед). Еще секунда, и она бы упала мертвой.

Мадзини. Нет, подумайте, какое чудо! Элли, деточка моя! Мистер Хэшебай только что рассказал мне совершенно удивительную...

Элли. Да, я уже слышала. (Отходит в другой конец комнаты.)

Гектор(идет за ней). Нет, этого вы еще не слышали. Я вам расскажу после обеда. Мне кажется, это должно вам понравиться. По правде сказать, я сочинил это для вас и уже предвкушал удовольствие рассказать вам, но с досады, когда меня отсюда выгнали, я истратил этот заряд на вашего отца.

Элли(отступая спиной к верстаку, презрительно, но с полным самообладанием). Вы истратили не зря. Он верит вам. Я бы не поверила.

Мадзини(добродушно). Элли у меня очень своенравная, мистер Хэшебай. Конечно, на самом деле она так не думает. (Идет к книжным полкам и разглядывает корешки.)

Из передней входит Босс Менген, за ним капитан. Менген в сюртучной паре, точно он собрался в церковь или на заседание директората. Ему лет пятьдесят пять; у него озабоченное, недоверчивое выражение лица; во всех его движениях чувствуются тщетные потуги держать себя с неким воображаемым достоинством. Лицо серое, волосы прямые, бесцветные, черты лица до того заурядны, что о них просто нечего сказать.

Капитан Шотовер. (знакомя миссис Хэшебай с новым гостем). Говорит, что его зовут Менген. К службе не годен.

Миссис Хэшебай(очень любезно). Добро пожаловать, мистер Менген.

Менген(пожимая ей руку). Очень рад.

Капитан Шотовер. Дэн порастерял все свои мускулы, но зато приобрел бодрость духа. Редкий случай, после того как человек пережил три приступа белой горячки. (Уходит в кладовую.)

Миссис Хэшебай. Поздравляю вас, мистер Дэн.

Мадзини(в недоумении). Да я всю жизнь в рот не брал спиртного.

Миссис Хэшебай. Вам будет гораздо меньше хлопот, если вы предоставите папе думать то, что ему хочется, а не будете пытаться объяснить ему то, что есть на самом деле.

Мадзини. Ну, знаете, три приступа белой горячки...

Миссис Хэшебай. (обращаясь к Менгену). Вы знакомы с моим мужем, мистер Менген? (Показывает на Гектора.)

Менген(идет к Гектору, который приветливо протягивает ему руку). Очень рад. (Оборачивается к Элли.) Я надеюсь, мисс Элли, вы не очень устали с дороги. (Здоровается с ней.)

Миссис Хэшебай. Гектор, покажи мистеру Дэну его комнату.

Гектор. Да, да, конечно. Идемте, мистер Дэн. (Уходит с Мадзини.)

Элли. Вы еще не показали мне моей комнаты, Гесиона.

Миссис Хэшебай. Ах, господи, какая я глупая! Идемте. Пожалуйста, будьте как дома, мистер Менген. Папа составит вам компанию. (Кричит капитану.) Папа, иди покажи дом мистеру Менгену. (Уходит с Элли.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/bernard-shou/dom-gde-razbivautsya-serdca/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/bernard-shou/dom-gde-razbivayutsya-serdca-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)